

Диана Винн Джонс

Моя
тетушка~
ведьма

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тетушка Мария обострилась у нас сразу после папиной гибели. Знаю, так говорят про болезнь — и это я нарочно. Крис считает, что вся наша история больше похожа на карточную игру, где проигрывает тот, кому сдают даму пик. У этой игры и название подходящее — «Черная Мария», или «Ведьма». Может быть, Крис и прав.

Это первая моя запись в дневнике на замочке, который папа подарил мне на то кошмарное Рождество, только, по-моему, тут не все понятно и надо кое-что объяснить. Папа бросил нас в начале декабря и машину тоже забрал. Нежданно-негаданно позвонил из Франции и объявил, что сбежал с дамой по имени Верена Бланд и назад не вернется.

— Верена Бланд! — отчеканила мама. — Ну и имечко!

И так она это сказала, что стало ясно: дело не только в имечке.

Крис с папой не ладил. Он прошипел:

— Скатертью дорога!

И тут же страшно обозлился на меня: ему показалось, будто я только об одном и думаю — что папа

ухал вместе с романом, который я писала и держала в машине, в тайнике над радио. То есть на самом деле я очень горевала из-за папы, просто у меня это так проявлялось. Я тогда считала, будто пишу шедевр, и хотела получить его обратно.

Папе, конечно, пришлось вернуться. Что характерно. Дома у него осталась куча нужных вещей. Вот он и приехал за ними под Рождество. Думаю, к тому времени Верена Бланд уже испарилась, поскольку папа привез маме кольцо, а Крису — новый калькулятор. А мне подарил симпатичную толстую тетрадь в твердой обложке и с замочком, запиравшимся на ключик. Я ужасно обрадовалась и из-за этого забыла попросить папу отдать мне роман из машины, а потом тем более забыла: у мамы с папой случилось несколько диких скандалов с рычанием и воплями, и в конце концов мама потребовала развода. Представляете, мама первая заговорила про развод — это у меня до сих пор в голове не укладывается! У папы, по-моему, это тоже в голове не уложилось. Он жутко взбесился, выскочил из дома, хлопнув дверью, сел в машину и укатил без всех своих нужных вещей, за которыми приезжал. А с ним укатил и мой роман.

Похоже, папа поехал навестить тетушку Марию в Кренбери-он-Си. К тетушке Марии он всегда относился крайне почтительно, хотя она ему даже не родная, а просто жена дяди. Но до нее он так и не добрался: на Кренберийском утесе машину занесло на гололеде и она рухнула с обрыва в море. Был прилив, поэтому папа мог бы и выбраться. Если бы не

сломанный замок на водительской двери. Он был сломан уже полгода, и даже за руль приходилось за- бираться с противоположной стороны. Полиция ре- шила, что пассажирская дверь распахнулась и вода хлынула внутрь и смыла папу, пока он был в шоке. Ремень был отстегнут, но папа мог и не пристег- нуться. Он часто забывал. В общем, его так и не нашли.

Назначено следствие.

Это моя следующая запись. Мама не понимает, кто она — вдова, разведенная или замужняя жен- щина. Крис считает — вдова. Ему стыдно, что он то- гда сказал: «Скатертью дорога!» — и он прямо на- бросился на меня, когда я сказала, что папу, может быть, подобрала подводная лодка, где никто не го- ворит по-английски, или он уплыл во Францию — да мало ли.

— Вечно эта Мидж лезет со своими счастливы- ми концами, — сказал Крис.

Ну и пожалуйста. Да, я люблю, когда все хоро- шо кончается. Вот я и спросила у Криса: а что, если плохой конец, то сразу правдоподобнее? Крис ни- чего не ответил.

Маму мучают угрызения совести. Она дала от- ставку Нилу Хольстрому, а я думала, у нее с Ни- лом будет любовь.

Вообще-то я не знаю, так ли уж Нил нравился маме, я еще тогда про это написала, просто мне хо- чется быть беспристрастной. По-моему, Нил похож

на ухвертку. Чтобы откупиться от него, мама приобрела за бесценок его жуткую развалюху-машину, и это было, конечно, нехорошо с ее стороны, хотя я была рада от него отделаться. Совесть маму замучила — просто кошмар. Мы с Крисом тоже стали какие-то странные, одновременно вялые и взвинченные, и у нас все из рук валилось. В дневнике у меня огромные пробелы: не было сил что-либо писать.

Больше всего мама мучилась совестью из-за тетушки Марии. Мол, это все она, мама, виновата, что папа поехал по гололеду повидаться с тетушкой Марией. Тетущка Мария заставляет Лавинию — свою компаньонку и экономку — звонить нам два раза в день: это она проверяет, все ли у нас в порядке. Мама утверждает, что для тетушки Марии папина смерть стала таким же потрясением, как и для нас, и нам надо относиться к ней по-доброму. Вот мы и относились к ней по-доброму, даже слишком. А потом вдруг оказалось, что мы зашли совсем далеко и теперь по-злomu уже невозможно. Тетущка Мария все названивала и названивала. Если нас не было дома или если дома был только Крис и не подходил к телефону, тетущка Мария обзванивала всех наших знакомых, даже Нила Хольстрома и всех прочих, до кого только могла добраться, — мол, мы «пропали» и она места себе не находит от беспокойства. Она звонила нашему врачу и нашему стоматологу и даже умудрилась позвонить маминному начальнику — домой. Мама попала в ужасно глупое положение, и с тех пор нам пришлось

следить, чтобы после четырех кто-нибудь всегда был дома и подходил к телефону.

Обычно к телефону подходила я. Мама тогда часто задерживалась на работе, потому что хотела на Пасху взять отпуск и провести его с нами. Следующая запись в моем дневнике именно про звонки тетушки Марии.

Крис прямо нутром чувствует, когда звонит тетушка Мария. Говорит — телефон звонит этак мягко, но настойчиво, и под этой мягкостью чувствуется стальная хватка. Стоит телефону зазвонить, как Крис тут же сгребает в охапку тетрадки и учебники и мчится к двери с воплем: «Возьми трубку, Мидж! Я занимаюсь!»

Даже если Криса нет дома и предупредить меня некому, я сразу понимаю, кто звонит: первое, что я слышу в трубке, это голос телефонистки, злой и задерганный. Тетушка Мария не снисходит до того, чтобы посмотреть номер в записной книжке, а потом набрать его. Каждый раз заставляет Лавинию звонить через телефонистку. Сама Лавиния никогда ничего не говорит. Зато в отдалении слышен крик тетушки Марии:

— Лавиния, вы дозвонились?

А потом — шорох и постукивание: это тетушка Мария берет трубку.

— Это ты, Наоми, дорогая? — говорит она трагически-напряженным голосом. — Где Крис?

Жизнь меня ничему не учит. Вечно держу трубку слишком близко к уху. Тетушка Мария знает, что Лондон — это очень далеко от Кренбери-он-Си,

и поэтому кричит. И приходится кричать в ответ, а иначе она сердится, что ты шепчешь.

— Это Мидж, тетушка Мария! — кричу я. — Пожалуйста, называйте меня Мидж, мне так больше нравится!

Я говорю это каждый раз, но тетушка Мария называет меня только и исключительно Наоми, поскольку меня назвали Наоми Маргарет в честь ее умершей дочери. Потом я переносу трубку к другому уху, а первое тру. Я и так знаю, о чем она там вопит, — желает снова осведомиться, где Крис.

— Крис занимается! — надрываюсь я. — Математикой!

Это тетушка Мария уважает. Крис умудрился внушить ей мысль, что он математический гений и Его Занятия Священны. Жалко, я не знаю, как ему это удалось. Хотела бы я тоже внушить ей мысль, что я Будущий Великий Писатель и мое время ценится на вес золота, только, кажется, по ее представлениям право на честолюбие имеют одни мальчики.

В голосе тетушки Марии появляется низкая гулкая нота упрека.

— Я очень тревожусь за Криса, — заявляет тетушка, будто это я во всем виновата. — Мне кажется, он мало бывает на свежем воздухе.

Тут начинается самое трудное. Мне надо ее убедить, что Крис вполне достаточно бывает на свежем воздухе, не уточняя, зачем он туда ходит. Если я скажу, что он гуляет с друзьями, она либо решит, будто Крис мало занимается, либо станет названивать его друзьям — проверить, не вру ли я. Когда

она позвонила Энди, я чуть не умерла. Я же не хочу, чтобы Энди плохо обо мне думал. Но если я отвечу неопределенно, тетушка Мария придет к убеждению, будто Крис Связался С Дурной Компанией. Тогда она примется названивать классному руководителю Криса. От этого я тоже чуть не умерла. С тех пор мистер Норрис спрашивает у меня, как здоровье тетушки Марии, каждый раз, когда мы сталкиваемся в школьном коридоре. Похоже, она произвела на него неизгладимое впечатление.

Но теперь я уже научилась с ней разговаривать. Крис ужасно удивится, если узнает, что ежедневно ходит играть в теннис с другом, у которого нет телефона. Потом мне приходится проделать то же самое с мамой. Мама тоже играет в теннис с мамой бестелефонного друга — которая вдова, на случай, если тетушку Марию это насторожит. Затем мы переходим ко мне. По неизвестной причине мне не полагается делать вообще ничего, даже бывать на свежем воздухе. Тетушка Мария говорит:

— Ах, Наоми, какая ты хорошая девочка — трудишься как пчелка, помогаешь маме вести дом!

С этим я соглашаюсь ради мира в семье, хотя меня каждый раз подмывает ляпнуть: «Честно говоря, мне пора бежать — надо заглянуть в нудистскую колонию, а по дороге поджечь церковь».

После чего тетушка Мария развертывает последние теории о том, что на самом деле произошло с папой, а затем расписывает, как она горюет. На этом этапе я могу предпринять только одно — то и дело умиrotворяюще орать: «Да-а-а!» От этой части разговора мне становится ужасно тошно. Но все

равно надо слушать, поскольку следующим пунктом тетушка Мария перейдет к тому, что у нее, кроме нас, не осталось родных, а потом — «ну когда же вы наконец приедете в Кренбери навестить меня?»

Вот тут я вынуждена вертеться как уж на сковородке. Тетушка Мария начинает нас завлекать. Она говорит:

— Крису будет очень удобно на диване, а если Лавиния переберется вниз в маленькую комнату, вы с Бетти можете устроиться у нее в спальне.

— Ужасно мило с вашей стороны! — отвечаю я. — Но у Криса, к сожалению, экзамен...

Вы себе не представляете, сколько у Криса бывает экзаменов. Крис не против. Он сам мне подсказывает, как наврать тетушке Марии. В чем мы с Крисом единодушны, так это в том, что ни за какие коврижки не поедем в Кренбери-он-Си. У нас сохранились кошмарные воспоминания о том, как мы туда ездили, когда были маленькие.

Теперь-то, конечно, у нас другие причины. Вот вам бы захотелось поехать туда, куда не доехал ваш отец перед смертью, да еще и пожить там? Нет. Вот и я откладывала тетушку Марию на потом изо всех сил. Получалось у меня блестяще. Несколько месяцев я отвечала ей вежливо, но неопределенно, и мы вовсю предвкушали пасхальные каникулы, и тут однажды вечером меня не было дома, к телефону подошла мама — и за несколько секунд все мои старания пошли насмарку. Когда я вернулась, то обнаружила, что она согласилась — даже не спросив у нас! — поехать втроем на Пасху к тетушке Марии.

Мы с Крисом были в бешенстве. Я сказала, что тетушка Мария, по-моему, думает только о себе, а совсем не о нас. Крис сказал:

— Мама, с какой стати мы должны ее ублажать? Тетушка Мария — папина тетка, и то не родная. Она не имеет права нам указывать!..

Но мамина совесть отдыха не знает. Мама сказала:

— Свинство не ехать, если она хочет нас видеть. Она несчастная одинокая старушка. Папа был ей очень дорог. Если мы приедем, она будет на седьмом небе от счастья. Мы едем. Отказаться — полный эгоизм, честное слово.

Вот потому-то мы все и очутились в доме тетушки Марии в Кренбери-он-Си. Приехали мы только сегодня вечером, и я уже в такой депрессии, что решила все записать. Мама сказала: если я всерьез намерена писать всякие гадости о тетушке Марии, то, уж пожалуйста, с условием, что тетушка никогда ничего не узнает. Поэтому я тяжело вздохнула и решила взять тот дневник в твердой обложке с замочком. Вообще-то я собиралась составлять там списки рыцарей Круглого стола и любимых поп-групп — я же не хочу, чтобы Крис добрался до них и потом издевался надо мной, — но пусть лучше на меня напустится Крис, чем тетушка Мария. Когда я это допишу, то запиру на замок.

К несчастью, мама повезла нас на машине Нила. Она маленькая и медленная, а места для пассажиров в ней совсем мало, и гитара Криса всю дорогу

больно упиралась мне в бок, к тому же когда машина нагружена, то подвеска жутко скрипит. Мы с Крисом предпочли бы поезд. Тогда не пришлось бы ехать по дороге через Кренберийский утес. Но мама пренебрегла нашими чувствами и напустила на себя этакий храбрый и жизнерадостный вид, который жутко бесит Крису, и мы покатали. Мы с Крисом старались не глядеть на новую, светлее соседних, секцию заграждения на краю обрыва, и мама, наверное, тоже старалась, но все равно мы видели ее, даже когда не смотрели. В деревьях и кустах там большая прогалина: весна еще толком не началась, и ветки без листвы совсем прозрачные. Папу, наверное, швырнуло через всю дорогу, слева направо. Я думала о том, каково ему было — ну, в последнюю секунду, — когда он уже понимал, что сейчас свалится. Но я ничего не сказала. Все мы притворились, будто не обратили на это место внимания.

Дом тетушки Марии ничуть не улучшил нам настроения. Он старьё-престарьё и стоит на улице таких же старых домов, которые выглядят с ума сойти как живописно — всех оттенков кремового цвета. Дом не очень большой, но внутри кажется, будто он гораздо больше — можно сказать, даже роскошный и внушительный. Наверное, дело в массивной мрачной мебели. Правда, все комнаты почему-то темные и запах затхлый — похожий на привкус, какой бывает во рту, когда просыпаешься и понимаешь, что простыл. Мама запаха вроде бы не чувствует или не сознается, но все время удивляется, отчего тут так темно.

— Вот, может быть, если бы тетушка повесила нарядные занавески, — рассуждает она, — или сделала перестановку... Наверняка со стороны сада в дом попадает много солнца.

Тетушка Мария встретила нас известием, что Лавиния была вынуждена уехать, поскольку у нее заболела мать.

— Ничего страшного, — заявила она, тяжело топая к нам: ей приходится опираться на две палки. — Значит, Крис займет маленькую комнату. Я вполне способна обслуживать себя сама, если только кто-нибудь поможет мне одеваться и мыться, — и, Бетти, дорогая, вы же не будете возражать, если вам придется взять на себя приготовление еды?

Мама, естественно, ответила, что возражать не будет.

— Разумеется, это же ваша обязанность, — сказала тетушка Мария. — Вы ведь сейчас не работаете, не правда ли?

По-моему, подобное заявление огорошило даже маму, но она только улыбнулась и списала все на то, что тетушка Мария старенькая. Мама вечно так делает. Постоянно напоминает нам — мол, тетушка Мария выросла в те времена, когда у всех были слуги, и не вполне сознает, чего требует. А мы с Крисом думаем, тетушка Мария вообще выставила Лавинию в отпуск, только когда удостоверилась, что мы точно приедем. Крис говорит, Лавиния наверняка собирается увольняться. Он считает, всякий, кому придется жить с тетушкой Марией, и часу не вытерпит, захочет унести ноги.

— Обойдемся сегодня без ужина, — объявила тетушка Мария. — Мне достаточно стакана молока с кусочком сыра.

Мама увидела, какие у нас сделались лица.

— Мы можем пойти купить жареной рыбы с картошкой, — сказала она.

— Как?! В Кренбери?! — воскликнула тетушка Мария: можно подумать, мама предложила пойти прирезать миссионера или там почтальона. Потом она помычала, похмыкала и сказала, мол, если бедняжка Бетти так устала с дороги и не хочет готовить ужин, пожалуй, где-то там, у моря, и вправду, кажется, был лоток с рыбой и картошкой. — Хотя, полагаю, в это время года он не работает, — добавила она.

Крис вышел в ночь искать лоток, бормоча под нос нехорошие слова. Через полчаса он вернулся — побитый ветром и с пустыми руками: у пирса все было закрыто.

— И закрыто, по-моему, уже сто лет, — сказал он. — Ну что?..

— Какой хороший мальчик, так о нас заботится, — сказала тетушка Мария. — Мне кажется, у Лавинии где-то были вегетарианские ореховые котлетки.

— Я не хороший мальчик, я просто голодный, — отозвался Крис. — Где эти ваши треклятые котлетки?

— Кристиан!.. — ужаснулась мама.

Мы пошли и обыскали кухню. Там оказались две ореховые котлетки, яйца и еще кое-что, но только

одна кастрюля и очень маленькая сковородочка, а больше почти ничего. Мама диву давалась, как Лавиния умудрялась тут готовить. Я решила, что она забрала с собой всю посуду, когда уезжала. В общем, мы приготовили что-то вроде ореховой яичницы с хлебом. Когда я накрыла на стол, тетушка Мария сказала:

— Сегодня у нас прямо пикник. Салфетки класть не нужно, дорогая. Поесть прямо кухонными приборами будет чрезвычайно интересно!

Я-то решила, она и правда так думает, поэтому не стала доставать салфетки, пока мама на меня не зашипела:

— Не глупи, Мидж! Она дает понять, что привыкла к салфеткам и к парадному столовому серебру. Пойди и найди.

Мама очень хорошо понимает вежливые способы, которыми тетушка Мария высказывает свои пожелания. Из-за этого на нее, на маму то есть, сразу навалилась уйма работы. Если она не побережется, то вообще не сможет отдохнуть. Например, именно из-за этого она начистила столовые приборы средством для полировки, скатала ковровую дорожку в передней, чтобы ночью никто не запнулся, поставила комнатные растения в ванну, заставила Криса завести все часы в доме (а их тут целых семь штук) и проводила тетушку Марию наверх, где мы с мамой раздели ее, заплели ей волосы в косички и взбили ей подушки именно так, как тетушка Мария сказала, что не нужно, раз Лавинии все равно нет, а потом аккуратно разложили ей одежду

на утро. Тетушка Мария, конечно, сказала, что и этого от нас не требует.

— Завтрака мне тоже не нужно, раз Лавинии нет и некому принести мне его в постель, дорогая, — таков был последний запрос тетушки Марии.

Мама пообещала принести ей завтрак на подносе ровно в восемь тридцать. Отличный метод доведения до ручки. Я спустилась вниз и испытала его на Крисе.

— И вовсе не нужно приносить чемоданы в дом из машины, — сказала я. — Мы прекрасно поспим на полу, не раздеваясь.

— Ой! — вскинулся Крис. — Тьфу ты, забыл про чемоданы!

Он вскочил и бросился за ними и только потом понял, что я смеюсь. Он никак не мог решить, как ему быть — тоже смеяться или рычать на меня, — и тут сверху послышался вопль тетушки Марии. Мама, которая уже спустилась на полпролета, в панике метнулась обратно, испугавшись, что тетушка упала с кровати.

— Когда Лавиния здесь, я прошу ее всегда отключать газ и электричество ровно в десять, — прокричала тетушка Мария. — Но вы мои гости, так что можете оставить все включенным.

В результате я пишу это при свечке. По другую сторону свечки сидит мама и составляет длиннющий список всего, что мы завтра купим для тетушки Марии. Я читаю его вверх ногами: там есть и сковородки, и картошка, и рыбное филе, и садовые ножницы. Очевидно, в саду маму тоже попросили «не трудиться».